

ВЯЧЕСЛАВ КРЫЛОВ
Казань (Россия)

ДИАЛОГ С ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ (В.БЕЛИНСКИЙ, Н.ДОБРОЛЮБОВ, Д.ПИСАРЕВ) В РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ КРИТИКЕ

Жизнь традиции на рубеже веков приобретает причудливые формы. «Линии преемства на рубеже веков искажены до неузнаваемости»¹. Символисты первыми выдвинули проблему переоценки характера национальной критики и ориентировались на европейское направление критического мышления. Если заглянуть в предысторию русско-европейских связей в области критики, то можно обнаружить, что на протяжении всей своей истории критика в России была связана с европейской. Русские критики XVIII - XIX веков активно воспринимали эстетические идеи, идущие с Запада. Вопрос о роли европейской критики в становлении русской неоднократно обсуждался самими критиками.

В.Г. Белинский, рассуждая о неизбежном влиянии европейской критики на русскую, видел в этом не только недостаток, но и будущее достоинство. В *«Речи о критике»* он утверждал, что теперь мы «не можем удовлетвориться ни одною из европейских критик, замечая в каждой из них какую-то односторонность и исключительность», но в будущем в русской критике произойдет органическое слияние этих односторонностей в органическое единство². В статье «О критике» и литературных мнениях «Московского наблюдателя» он глубоко анализировал проблему национальных особенностей критики, связывал различия взглядов на искусство и сам **тип критики** с национальными индивидуальностями, национальным духом:

«В своих началах она должна быть немецкой, в своем способе изложения – французской. Немецкая теория и французский способ изложения – вот единственный способ сделать ее и глубокой, и общедоступной».³

Европейский масштаб сравнений проявлялся в оценке движения русской критики у А.В. Дружинина. Дружинин, скорее всего, одним из первых сказал об английском влиянии на русскую критику (как он говорил, о «великобританском элементе»). В статье «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» он рассматривает деятельность «Библиотеки для чтения», говорит о «духе великобританских обзоров» и при этом делает важный прогноз:

«Великобританский элемент, явившийся к нам после всех, мог бы быть вреден своей излишней практичностью, явно ведущей к замене эстетических начал личными воззрениями критика, но влияние его,

¹ *Теория литературы*. Том IV. *Литературный процесс*, Москва 2001, с.76

² В.Г.Белинский, *Собрание сочинений в трех томах*, Том 2, Москва 1948, с.374

³ Там же, с.178

смягченное всем тем, чему научились мы от французов и немцев, никогда не может быть исключительным влиянием». ⁴

Все эти три «элемента» – французский, английский и немецкий – получили развитие в критике нового времени, прежде всего, в символистской. Д. Мережковский в 1892 году напомнил слова Пушкина о статьях Вяземского: «вот критика *европейская*»⁵. Это то, чего не хватает даже лучшим русским критикам. Но рецепция западноевропейской критической мысли сталкивалась с национальными особенностями русской критики, со спецификой русского подхода к литературе.

Говоря о литературе символизма, исследователи выявляют разнообразные связи его с традициями русской литературы (Пушкин, Достоевский, Гоголь и т.д.). Причем фиксируется присутствие традиции самой неожиданной (например, Некрасов и А. Белый). Когда Брюсов отвечал критикам начала 1890-х годов на обвинение в том, что в русской литературе «символизм не более как подражание, не имеющее под собой почвы», то он обратил внимание на предшественников символистов в русской поэзии – Фета, Фофанова.⁶ С течением времени эти связи стали более очевидными и разветвленными. В. Иванов писал в 1910 году:

«Оценка русского «символизма» немало зависит от правильности представления о международной общности этого литературного явления и о существе западного влияния на тех новейших наших поэтов, которые начали свою деятельность присягою в верности раздавшемуся на Западе многознаменательному, но и многосмысленному кличу. Ближайшее изучение нашей «символической школы» покажет впоследствии, как было юношески не продумано и, по существу, мало плодотворно заимствование и подражание и как глубоко уходит корнями в родную почву все подлинное и жизнеспособное в отечественной поэзии последних полутора десятилетий»⁷

А как обстояло дело в их теоретическом самосознании? Обратимся к не вполне очевидным связям символистов с традициями публицистической критики XIX века. В.Ф. Асмус говорил, что символисты «пытались дискредитировать» Белинского, Добролюбова, Чернышевского⁸. Нет никакой необходимости «выпрямлять» символистов и «обращать» их в иную «веру». Но внимательное чтение их работ, сопоставление различных высказываний позволяет заключить, что какой-то общей и единой дискредитации не было, а было отталкивание, сохранение на некоторых уровнях связей и довольно дифференцированное отношение к разным фигурам и тенденциям радикальной критики. Опираясь на комплекс метакритических высказываний символистов (в том

⁴ Там же, с. 197

⁵ Д.С.Мережковский, *Эстетика и критика*, В 2-х тт. т. 1, Москва- Харьков 1994,с.222

⁶ В.Я.Брюсов, *Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. VI. Статьи и рецензии 1893-1924. «Далекие и близкие»*, Москва 1975,с.33

⁷ В.И. Иванов, *Родное и вселенское*, Москва 1994 ,с.185.

⁸ *Литературное наследство. Символизм*, т. 27-28, Москва 1937, с.7

числе с привлечением малоизвестных источников), и на рассмотрение типологических и генетических связей, отражающихся в проблематике, цитатности и других структурных особенностях их статей, можно увидеть и своеобразные парадоксы символистской критики.

Решая вопрос об отношении символистов к публицистическим критическим традициям XIX века, следует учесть несколько принципиальных моментов:

1. Влияние национальной традиции, полученное в период гимназического и университетского обучения.
2. Борьба с радикальной традицией, принявшая острые формы на раннем этапе самоопределения. «Разрыв с традицией на одном уровне всегда означает следование ей на другом уровне»⁹.
3. Фактор эволюции символизма и параллельно этому изменение отношения к той или иной традиции.
4. Индивидуальные притяжения и отталкивания.

В автобиографии А. Белого есть такое признание, относящееся к 1896 - 1897 годам: «Странно совмещаю я одновременное чтение Рескина и Белинского»¹⁰. В книге *«Как я стал символистом и почему не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития»* А. Белый писал:

«С 1897 года начинается эпоха моего бурного литературного самоопределения <...>; в мою лабораторию сознания одновременно вливаются: Белинский и Рескин, символисты и «Фритьоф» Тэгнера, Ибсен и Достоевский, Беклин и Врубель, Григ и Вагнер...»¹¹.

Эти высказывания нужно расценивать как весьма характерные для символистов. Речь идет о причудливом сочетании национальных и западноевропейских критических традиций.

С гимназических лет будущие поэты-символисты были приобщены к «памяти» русской критики, ставшей весомой составной частью их культурного опыта.¹² В воспоминаниях

⁹ Л.С.Беспалова, *Проблема культурной традиции в современном литературоведении* [в:] *Проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе: XXI век*, Саратов 2000, с.11

¹⁰ *Новое литературное обозрение*, Москва 1994, №9, с. 86

¹¹ А.Белый, *Символизм как миропонимание*, Москва 1994, с.428

¹² Ф. Сологуб утверждал, что к четырнадцати годам прочитал полное собрание сочинений Белинского (см. А. Пайман, *История русского символизма*, Москва 1998, с.25). В гимназическом сочинении А. Белого, написанном в год 100-летней годовщины Пушкина, есть следы явного влияния концепции Белинского, изложенной в *«Сочинениях Александра Пушкина»*. Методологический принцип Белинского: «Чем более думали мы о Пушкине, тем глубже прозревали живую связь его с прошедшим и настоящим русской литературы и убеждались, что писать о Пушкине – значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей» (В.Г.Белинский, *Сочинения Александра Пушкина*, Москва 1985, с. 28).

Следование концепции Белинского проявляется и в плане, и в тексте гимназического сочинения. [РГАЛИ, ф. 53, оп. 6, ед.хр. 6]. И в школьном сочинении Д.С. Мережковского *«Взгляд Пушкина на свое поэтическое призвание»* заметно отношение к традиционным спорам русской критики: «Эстетическая критика вела

Л.В.Розенталя об учебе в Тенишевском училище примечательно место, где речь идет о В.В.Гиппиусе, который преподавал в 1909-1912 годах историю русской литературы:

«...В Тенишевском училище общепринятые «казенные» учебники вообще не были в чести. Владимир Васильевич отказывался от них наотрез. Даже самый деловой, «Русскую литературу» В.В.Сиповского, зло осуждал. Единственными рекомендуемыми учебными пособиями признавались лишь произведения изучаемых писателей...а также избранные образцы литературной критики и образцовые литературоведческие труды»¹³.

Влияние идей Белинского на молодых людей было столь значительно, что позволило В.В.Розанову сказать:

«Он был друг, великий и прекрасный, наших гимназических дней; у других – студенческих; но вообще – друг поры учения, *самого впечатлительного возраста*, первых убеждений <...> Нет ни одного теперь из образованных русских людей, в крови и мозгу которого не было бы частицы «Белинского», как чего-то пережитого горячо и страстно, благоговейно и восторженно <...> Нельзя, почти без слез благодарности, не вспомнить, что, лишь прочитав Белинского или вообще «вступив в сферу Белинского», мы произносим торжественно и сладко «Я человек», то есть уже не мальчик, странствующий по степям Америки с Майн-Ридом, а Русский сознательный человек, волнуемый всеми волнениями России, ее будущего, ее прошлого, ее литературы, ее гражданского и политического бытия»¹⁴.

В статье «*Пушкин*» (1896) Мережковский говорил о «первородном грехе русской критики – ее культурной неотзывчивости»; начиная с 1860-х годов, полагал он, начинается упадок художественного вкуса, эстетического и философского образования, вызванный «проповедью утилитарного и тенденциозного искусства, проповедью таких критиков, как Добролюбов, Чернышевский, Писарев»¹⁵. Заметим, что имени Белинского в этом ряду нет. В Белинском ценится критик-художник. Поэтому он назван в ряду лучших образцов «субъективно-художественной» критики вместе с Ап. Григорьевым, Страховым, Пушкиным, Тургеневым, Гончаровым, Достоевским. Вся же остальная критика, по логике Мережковского, «противохудожественная» и «противонаучная».

Тот же аспект в Белинском будут выделять К. Бальмонт и И. Анненский. Бальмонт в обзоре русской литературы 1900 г. для английского журнала «*Athenaeum*», откликаясь на

издревле очень мудреный, запутанный спор: кому отдать пальму первенства: поэту-идеалисту или же поэту толпы» (ИРЛИ 24.350, л. 1-2) (ср. с откликом Мережковского на дискуссию об искусстве, которая велась на страницах русских газет и журналов: «Кто видит в Искусстве это высшее самоотречение и эту примиряющую любовь к миру, тот не будет спорить о так называемой «тенденции», потому что и спорить не о чем» (Д.С.Мережковский, *Записная книжка 1891 г.*, публик. М.Ю. Кореневой, [в:] *Пути и миражи русской культуры*, Санкт-Петербург 1994,с.346). В письме Л.Д.Зиновьевой-Аннибал, обращенном к детям, есть примечательные слова: «...чтение книг по социологии, Писарева, Добролюбова ...перевернуло все существо мое вверх дном» (Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал, *Переписка: 1894- 1903*, т.1, Москва 2009,с.27)

¹³Л.В. Розенталя, *Непримечательные достоверности. Свидетельские показания любителя стихов начала XX века*, Москва 2010,с.507-508

¹⁴В.В. Розанов, *Собрание сочинений. О писательстве и писателях*, под общ. ред. А.Н. Николюкина, Москва 1995 с.501

¹⁵ Д.С.Мережковский, *Эстетика и критика, в 2-х тт. Т. 1*, Москва- Харьков 1994,с.458

выход Полного собрания сочинений В.Г. Белинского в 12 томах под редакцией С.А. Венгерова, подчеркнет:

«Художник и вместе с тем критик, он является лучшим (и действительно единственно хорошим) русским критиком, поскольку его последователи не сумели усвоить ни одного из его достоинств»¹⁶ (курсив наш. – К.В.).

В учено-комитетских рецензиях И. Анненского, содержащих немалый материал об отношении поэта и критика к ведущим русским критикам XIX века, интересен такой отзыв о Белинском:

«Критик обладал замечательным вкусом и художественным тактом, и даже с внешней стороны речи ему могли бы теперь позавидовать даже наши художественные писатели. Кроме того, у него была завидная способность *переживать* и *передавать* самые разнообразные поэтические переживания»¹⁷.

Размышляя о роли критики в понимании произведения и в судьбе писателя, М. Волошин приводил в пример именно Белинского:

«Да понимаете ли Вы сами, что Вы написали?» - кричал Белинский молодому Достоевскому, прочтя рукопись «Бедных людей». И Белинский был прав: он понимал в «Бедных людях» то, что не понимал еще в них автор. Белинский уже провидел в них «Достоевского», а сам Достоевский еще ничего не знал о том, что ему суждено»¹⁸.

Как видим, символисты выделяли в Белинском близкие им принципы *художественной* критики. Белинский, отмечал исследователь его мастерства М.Я. Поляков, рассматривал критику как *художественный жанр*. В своей деятельности он пришел к четкому убеждению «не только в тесной связи критики с искусством, но и в прямой принадлежности ее к *художественной*, а не *научной* литературе. Как и художник, критик обладает страстной и восприимчивою душою, остротою зрения и мысли, эмоциональною возбудимостью и обостренным чувством формы»¹⁹. С этим связана и защита Белинским субъективного начала в критике, что вовсе не означало отказа от объективно-научного подхода к литературе. Эту особенность чутко уловили многие символисты. Они подписались бы под словами Белинского: «Приступая к изучению поэта, прежде всего должно уловить, в многообразии и разнообразии его произведений, тайну

¹⁶ С.П.Ильев, *Годовые обзоры К.Д. Бальмонта* [в:] *Серебряный век русской литературы*, Москва 1996, с. 127-128. Дополняет эту высокую оценку и факт участия Бальмонта в юбилейном литературном сборнике русских литераторов «Памяти Белинского» (Москва, 1899), где он опубликовал два стихотворения – «Мой друг...» и «Отцвели – о давно!». В критических статьях Бальмонта знаком традиции Белинского становится использование поэтической цитаты на правах безоговорочной «неприкосновенности» (А.М.Штейнгольд, «Чужое слово» в критической статье. Ст. 1. поэтическая цитата в статьях середины XIX в. [в:] *Лирическая и эпическая поэзия XIX века*, Ленинград 1976, с.104)

¹⁷ И.А.Анненский, *Учено-комитетские рецензии 1899-1900 годов*, Иваново 2000, с.203

¹⁸ М.А. Волошин, *Собрание сочинений*, т.6, кн.2. *Проза 1900-1927*, Москва 2008, с.267-268

¹⁹ М.Я.Поляков, *Поэзия критической мысли. О мастерстве Белинского и некоторых вопросах литературной теории*, Москва 1968, с.33

его личности, т.е. те особенности его духа, которые принадлежат только ему одному»²⁰. «Поэзия критической мысли», традиция критики как экзегезы (толкования), неразрывная связь идейно-философского с художественно-истолковательским началом – все это сближало символистскую критику с Белинским и делало ее в этом отношении продолжением его традиции. Такие черты поэтики Белинского, как включение автобиографических элементов, личного опыта, наблюдений и заметок, интимно-личных тем, мемуарных вкраплений, делает его критику непосредственным истоком критических выступлений И. Анненского, М. Волошина, А. Белого, А. Блока.

Однако это не означало приятия «всего» Белинского. Символисты выражали несогласие с «промахами» Белинского, особенно последнего периода. В уже упомянутой рецензии И. Анненского есть примечательные слова: «Во всяком случае его вдумчивая критика, и *без яда последних обличений*, была до сих пор любимым достоянием нашей словесности» (с. 205). В их статьях содержится полемика с «*Письмом к Гоголю*», с оценкой Баратынского. О противоречивом отношении А. Блока к Белинскому исследователи писали уже не раз (А.Я. Цинговатов, И.Т. Крук, Д.Е. Максимов, Д.М.Магомедова, О.В. Миллер). Но несомненно, что в периоды подъема общественных настроений чувствуется связь Блока с демократической традицией Белинского.

Из всего символистского лагеря только Б. Садовской, наиболее «правый» по своим воззрениям сотрудник «*Весов*», получивший в стане литературных противников прозвище «цепной собаки», проявлял особую неприязнь к Белинскому. Эволюция Белинского состояла, по Садовскому, в том, что «сбитый с толку друзьями» он «под конец жизни все более и более погружался в болото ежедневности, от эстетических созерцаний уходя в крайности социализма»²¹. В статье «*О старой и новой критике*» он утверждал, что дело Белинского «довершила знаменитая триада – Чернышевский, Добролюбов и Писарев»²².

Традиция Белинского особенно актуальной была для Мережковского. В книге «*Гоголь и черт*» в связи с рассмотрением «*Выбранных мест из переписки с друзьями*» возникает имя Белинского. Несмотря на «первобытное полуазиатское варварство тогдашней русской полемики», у Мережковского звучит «оправдание» Белинского. В «*Письме к Гоголю*» Белинского Мережковский видит «какую-то страшную человеческую правду, искренность», которую Гоголь, «кажется», «смутно и болезненно почувствовал»²³. «Защита» Белинского от Достоевского есть и в «*Грядущем Хаме*». Наконец, особая актуальность Белинского в 1910-е годы: переосмысление его личности и деятельности с

²⁰ В.Г.Белинский, *Сочинения Александра Пушкина*, Москва 1985,с.226

²¹ «*Весы*», 1904,№9,с.63

²² «*Весы*», 1905, №9-10,с.73

²³ Д.С. Мережковский, *В тихом омуте*, Москва 1991, с.269

точки зрения «религиозной общественности» в публичной лекции *«Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции»* (1915).

Символисты не разделяли чисто *критическую, негативную* борьбу с традициями шестидесятников, которую начал Волынский. Переписка В.Я. Брюсова с П.П. Перцовым свидетельствует об отсутствии интереса Брюсова к статьям Волынского о русских критиках.²⁴ Брюсова в целом оставила равнодушным переписка вокруг «наследства» 1860-х годов. «Брюсову не пришлось преодолевать, подобно Минскому и Мережковскому, сильного воздействия народнических традиций: мысль о неадекватности позднароднических идеалов действительности была мало актуальна для него», – отмечала С.Кульюс²⁵. Но для Брюсова проблема «преодоления» тоже, по-видимому, стояла. Но не народнической традиции, а писаревской. К.С. Сапаров даже утверждал, что «в 80-е гг. XIX в. Писарев оказал на Брюсова большое, если не решающее влияние»²⁶.

В письме к И. Коневскому Брюсов признавался:

«Недавно прочел я (впервые в жизни) когда-то столь читаемое *«Что делать?»*. Во мне есть пути, на которых я схожусь с крайностями 1860-х годов. Я люблю их буйство и ниспровержение всех кумиров, разрешение всяческих свобод. Правила мне даже любезны, но на условии, что я знаю свою власть над ними»²⁷. Много позже Брюсов согласится с П.Н. Сакулиным, назвавшим его утилитаристом среди символистов (или реалистом среди символистов; можно вспомнить при этом семантику понятия «реалист» у Писарева):

«Первые мои впечатления в детстве – это портреты Чернышевского и Писарева, которые висели над столом отца и так остались висеть до самой его смерти. Это были первые имена больших людей, которые я научился лепетать <...> Сквозь символизм я прошел с тем мирозерцанием, которое с детства залегло в глубь моего существа»²⁸.

Безусловно, брюсовское поколение («детей-шестидесятников») освобождалось от писаревского влияния. Писарева и «писаревщину» категорически осуждали. Это проявилось еще в первом предсимволистском манифесте – статье Н. Минского *«Старинный спор»*. Но парадокс был в том, что в критической практике многих из них в той или иной степени сохранялось тяготение к шестидесятникам.

Писаревская традиция функционировала в качестве *цитаты* – не только в форме несогласия, развенчания «далекой» эстетики, но и парадоксального согласия с ним.

²⁴ В *«Русском архиве»* (1900, № 10) была опубликована статья Брюсова *«О новом издании сочинений Белинского»*.

²⁵ С.К. Кульюс, *Несколько замечаний о «толстовском» слое трактата В. Брюсова «О искусстве»*, *«Ученые записки Тартуского ун-та»*, вып. 822, Тарту 1988, с. 65

²⁶ К.С. Сапаров, *Идеи Писарева в системе воззрений В.Я. Брюсова в 80-е гг.* [в:] Брюсовские чтения 1983 г., Ереван 1985, с. 167

²⁷ *Литературное наследство. Валерий Брюсов и его корреспонденты*. Т. 98, в двух книгах, кн. 1, Москва 1991, с. 475

²⁸ В.Я. Брюсов, *Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза*, Москва 1994, с. 89-90

Мережковский назвал Писарева в ряду тех критиков, что способствовали порче языка, общему упадку культуры. В первой редакции статьи «Пушкин», помещенной в сборнике *«Философские течения русской поэзии»*, Писарев назван «наивным угодником черни»²⁹.

И, тем не менее, здесь же Мережковский произнес многозначительные и пророческие слова: «Авторитет Писарева поколеблен, но не пал... Писарев как привычное тяготение и склонность ума все еще тяготеет в бессознательной глубине многих современных критических суждений о Пушкине»³⁰. Говоря так, Мережковский, скорее всего, исключал себя. Но внимательное прочтение его работ показывает, что, не разделяя идей «разрушения эстетики», он все же находился под их невольным влиянием.

Г.Г. Елизаветина в монографии *«Писарев-критик. Испытание эстетикой»* отметила такой факт: собрание сочинений Писарева 1894 года быстро разошлось и потребовало нескольких переизданий, так что, очевидно, «его идеи еще находили живой отклик, а «пушкинские» статьи, его критический метод рано было сдавать в архив», «эстетический шок, который пережили читатели, имел своим следствием то, что, вспоминая о Пушкине, критики еще очень долго вспоминают и о Писареве»³¹. А «необходимость возражения Писареву возбуждала эстетическую мысль и эстетическое чувство, заставляла искать новые ответы на его вопросы» (там же, с. 8). Имя Писарева возникало у символистов не только в отторжении от его взгляда на Пушкина, на роль критики, но и в различные моменты эволюции символизма, когда либо они сами решались на антиэстетические выпады³², либо, наоборот, пытались обратить внимание читателя на новый эстетический нигилизм.³³

Философский уровень метода «реальной критики», его идеологическая составляющая были в корне противоположны символистам. Однако с точки зрения задач и методов исследования литературы эти связи все же есть. Они обнаруживаются в пору усиления общественности в мировоззрении, исканиях символистов, когда, по словам Блока, произошел переход от предчувствий «неслыханных перемен и невиданных

²⁹ *Философские течения русской поэзии*, Санкт-Петербург 1896, с.47

³⁰ Д.С. Мережковский, *В тихом омуте*, Москва 1991, с.147

³¹ Г.Г. Елизаветина, *Писарев-критик. Испытания эстетикой*, Москва 1999, с.85-86

³² А.В. Лавров так писал об изменении литературной стратегии Гиппиус: «С годами антидекадентство и антиэстетизм переходили у Гиппиус в заведомое пренебрежение эстетическими запросами, в готовность к прямолинейно-прагматическому исполнению творческого задания» (З.Гиппиус, *Стихотворения*, Санкт-Петербург 2006, с.53).

³³ «Куда деваться от модернизма? Все стали декадентами. Сколько появилось бледных, измученных лиц! Пойдите в театр: бледные юноши, бледные стилизованные головки <...> Куда деваться от модернизма? Все стали декадентами. Вагнер, Ницше, Реми де Гурмон – все меркнет перед студентом-петровцем, провозглашающим в аудитории политехнического музея, что искусства уже нет и что формы миновали. Это ли не эстетический нигилизм? Нет, я лучше останусь с Писаревым, чем со студентом-петровцем <...> что нам делать, когда вдохновляемые новым искусством модернистические хулиганы готовы растерзать не только Пушкина, Гете, Шекспира и Данте, но и нас, если мы поднимем голос в защиту этих реакционеров искусства» (А.Белый, *Критика. Эстетика. Теория символизма*: В 2 т. т. 2, Москва 1994. с.404)

мятежей» к погружению в эти перемены и мятежи. Тяготение к «реальной критике» наблюдается у Блока, Мережковского, Гиппиус. Таким образом, можно сказать, что русские публицистические критики оставались для символистов «вечными спутниками».

Русские символисты, как писал Д.С. Мережковский, сняли с красоты «подозрение», научили ее любить так же, «как мы любим добро»³⁴, но не считали Искусство и область Этики абсолютно самостоятельными, отдельными друг от друга. В этом проявилась связь критики конца XIX- начала XX века с национальной традицией русской критики. Рецепция западноевропейской критической мысли сталкивалась с национальными особенностями русской критики, со спецификой русского подхода к литературе.

Summary

Article is devoted the analysis of dialogue of symbolists with national critical tradition. Research of this question leans and against a complex of statements of symbolists about Russian critics and the Russian criticism in whole and its directions and on consideration typological and the genetic relations reflected in a problematics, genre features and other structural features of their articles. The facts of influence of the national tradition received in gymnasia and university training are mentioned.

The resulted examples testify to familiarizing of the future symbolists with "memory" of the Russian criticism which has become by a powerful component of their cultural experience.

³⁴Д.С. Мережковский, *Акрополь*, Москва 1991,с.258